

Лу Нинчу изначально полагал, что этот вопрос уже закрыт, ведь Лу Цинъюэ всегда был человеком, не склонным к излишним разбирательствам. Однако спустя некоторое время Лу Цинъюэ снова заговорил:

— Нинчу, учитель знает, что ты, несомненно, чувствуешь несправедливость, но...

Он остановился и посмотрел Лу Нинчу прямо в глаза.

Лу Нинчу вдруг ощутил, что вокруг стало тихо — Лу Цинъюэ использовал технику звукоизоляции.

— Некоторые вещи нужно делать постепенно, подожди, пока станешь достаточно сильным, чтобы действовать. Ты понимаешь?

Выражение лица Лу Цинъюэ отличалось от его обычной мягкости, и Лу Нинчу заметил в его глазах скрытое напряжение и надежду. Он был удивлён, но понял, что имел в виду Лу Цинъюэ.

Сейчас он был лишь на этапе Золотого ядра, а старейшина Ма достиг уровня Изначального младенца. Для того чтобы лишиться Изначального младенца ради одного Золотого ядра, глава секты, вероятно, ещё пожалеет. Но если он тоже достигнет уровня Изначального младенца, то его ценность значительно превысит ценность старейшины Ма.

Он улыбнулся и сказал:

— Я понимаю!

Раз Лу Цинъюэ не хотел на самом деле отпускать старейшину Ма, то в дальнейшем не нужно было об этом беспокоиться.

Лу Цинъюэ слегка кивнул, погладил его по голове и снова стал таким же мягким, как всегда:

— Хороший мальчик.

Однако в его сердце был вздох.

Он прекрасно знал, что старейшина Ма перешёл границы. Но даже если он мог сражаться один против троих в пределах своего уровня, мечники в целом всё ещё были слабы, и низкоранговые ученики легко становились объектами пренебрежения и издевательств. Как и в случае с Нинчу: если бы он не был мечником, а принадлежал к любой другой «небесной» группе, осмелилась бы секта Лошуй так его обижать?

Скорбные Небеса не могли ссориться с главой секты, нельзя было терять покровительство Высшего Небесного Дворца, иначе положение обычных учеников Скорбных Небес стало бы ещё хуже.

Нинчу...

Лу Цинъюэ закрыл глаза, подавляя слишком тяжёлые ожидания в своём сердце.

Хотя решение главы секты относительно старейшины Ма было отвратительным, но после этого ресурсы, выделенные Скорбным Небесам, такие как духовные камни, стали значительно больше, что очень порадовало Лу Нинчу.

Для Скорбных Небес было важнее жить хорошо, а старейшину Ма, как сказал Лу Цинъюэ, можно было временно оставить в покое. В конце концов, размышления о своих ошибках в ледяной пещере были мучительны, и длительное пребывание там могло даже повредить основы, что заставило бы старейшину Ма изрядно пострадать.

Лу Нинчу с некоторой злорадностью подумал, что лучше всего будет действовать через тридцать лет, когда старейшина Ма, решив, что его страдания наконец закончились, получит ещё один удар.

После похорон Ли Юньлана Лу Нинчу почти всё время проводил в своей пещере. Как и другие, будучи практикующим, большую часть времени он должен был посвящать культивации.

Что касается войны между Байцином и Ечжао, он не мог говорить об этом напрямую, ведь не мог объяснить, как узнал о точных передвижениях демонов. Поэтому он мог лишь использовать услышанные от других отговорки, намекая Лу Цинъюэ обратить внимание на конфликт на границе между праведниками и демонами.

Ведь если ситуация разовьётся так, как в прошлой жизни, и помощь придёт слишком поздно, жертв будет слишком много, а поле боя станет слишком опасным. Даже без вмешательства врагов он беспокоился за Бай Ниюнь и Цинь Гэ. В прошлой жизни, когда Бай Ниюнь и Цинь Гэ погибли, они даже не успели пожениться.

Помимо этих дел и повседневной жизни, Лу Нинчу, конечно же, поддерживал связь с Лун Юанем. Духовные бумажные журавлики использовались один за другим, и поначалу Лу Нинчу старался говорить как можно больше, например, длинные фразы вроде «Я скучаю по тебе, скучаешь ли ты по мне?» и тому подобные слащавые слова. Но позже он перестал обращать на это внимание.

Он схватил нового журавлика и недовольно сказал:

— Ты меня игнорируешь, я столько тебе говорю, а ты отвечаешь так мало!

— Нет, — ответил Лун Юань, и после паузы добавил:

— Я тоже скучаю по тебе.

Лу Нинчу подождал, но, увидев, что со стороны Лун Юаня больше ничего не последует, широко раскрыл глаза и схватил ещё одного журавлика.

— Видишь, ты меня игнорируешь! Ты не можешь говорить так же подробно, как я? Насколько скучаешь, как скучаешь, что именно вспоминаешь — столько всего можно сказать!

Прошло много времени, прежде чем прилетел ещё один журавлик от Лун Юаня.

— Не капризничай, количество журавликов ограничено, не трать их попусту.

— Это ты тратишь! Ты же знаешь, что журавликов мало, так почему не говоришь больше за раз!

Со стороны Лун Юаня снова не было ответа, и на этот раз пауза была ещё дольше. Лу Нинчу подождал ещё немного и снова отправил журавлика с упреком:

— Ты меня игнорируешь!

— Ладно... — Лун Юань глубоко вздохнул. — Я очень-очень скучаю по тебе, хорошо? Будь умницей, не трать журавликов, иначе, когда они закончатся, как ты сообщишь мне, если уедешь?

Он сделал паузу:

— Я знаю, что ты очень скучаешь по мне, не нужно отвечать.

Лун Юань говорил разумно, и Лу Нинчу, немного поразмыслив, всё же сдержал желание ответить. Однако, глядя на уже использованных журавликов, он вдруг упал на стол, ударив по нему кулаком.

Почему он тогда не взял с собой больше духовных бумажных журавликов!

На этот раз Лу Нинчу помнил, но в следующий раз, когда он снова связался с Лун Юанем, он снова вернулся к старой привычке. В результате таких повторений у него осталось лишь три жалких журавлика.

Он держал в руках последних трёх журавликов, хотел использовать их, но боялся.

Ведь если он их использует, все три журавлика, вероятно, исчезнут.

Лу Нинчу больше не мог связываться с Лун Юанем, и это было мучительно. К счастью, его намёки Лу Цинъюэ наконец возымели эффект.

Лу Цинъюэ попросил Бай Ниюнь отправить письмо в королевскую семью Байцина с предупреждением, чтобы они были более внимательны к действиям демонов и приняли меры предосторожности. После этого праведники, прежде чем демоны собрались для полномасштабной атаки, поняли их планы и сразу же запросили подкрепление.

Лу Нинчу чуть не начал рвать лунные цветы вокруг своей пещеры, каждый день считая лепестки и спрашивая: «Скучает ли он по мне?», когда наконец услышал приказ Лу Цинъюэ собрать всех учеников для обсуждения отправки на поле боя в Байцин и Ечжао.

Бай Ниюнь, конечно, должна была отправиться, и Лу Нинчу естественно вызвался. К удивлению, даже Е Юйчэнь, который не хотел идти даже в Духовное Царство Ткущихся Грёз, на этот раз тоже сказал, что пойдёт.

Хотя он говорил неуверенно и с запинками, он действительно сказал это.

Не говоря уже об удивлении окружающих, его учитель, Великий старейшина, выглядел так, будто его глаза вот-вот вылезут из орбит. Он был рад, что Е Юйчэнь наконец-то нашёл в себе смелость, но также беспокоился об опасностях на поле боя, и потому спросил:

— Почему ты на этот раз не боишься?

Е Юйчэнь посмотрел на Бай Ниюнь и Лу Нинчу и сказал:

— Старшая сестра Бай и младший брат Нинчу защитят меня, я не боюсь!

Великий старейшина тут же разозлился и отчитал его:

— Ты собираешься только мешать!

Е Юйчэнь обиженно сказал:

— На поле боя лишний человек — это лишняя помощь... Ладно, я не пойду на передовую, буду помогать старшей сестре Бай и младшему брату Нинчу следить за окружением, предупреждать их о засадах...

Великий старейшина, увидев его таким, естественно, не хотел соглашаться.

Но Лу Нинчу был в затруднении.

Судя по характеру Е Юйчэня, он всегда избегал любых опасностей, и если бы он вызвался в прошлой жизни, Бай Ниюнь обязательно упомянула бы об этом. На этот раз, хотя он вызвался сам, его ноги слегка дрожали.

Он всё ещё боялся, и такая перемена могла быть только из-за того, что он всё ещё чувствовал

себя виноватым за то, что отправил Лу Нинчу в Духовное Царство Ткущихся Грёз. Поэтому он нашёл в себе смелость, чтобы оказать Бай Ниюнь и Лу Нинчу дополнительную помощь.

Е Юйчэнь на самом деле был талантлив, он был учеником Скорбных Небес, который дольше всех находился на этапе закладки основания, но также одним из тех, кто достиг этого этапа быстрее всех, кроме Лу Нинчу. Такая трусость противоречила Пути меча, но при этом он достиг такого прогресса, что говорило о его потенциале.

Из-за своего характера это влияло на его культивацию, что было печально. На этот раз он добровольно решил встретиться с опасностью, что было редкой возможностью, которая, возможно, больше не повторится.

Но враги из прошлой жизни могли снова появиться, и даже если Е Юйчэнь не пойдёт на поле боя, он всё равно может столкнуться с опасностью.

— Старшая сестра Бай, младший брат Нинчу... — Е Юйчэнь, получив выговор от Великого старейшины, обратился за помощью к Бай Ниюнь и Лу Нинчу.

Бай Ниюнь и Лу Нинчу переглянулись, оба были в затруднении.

Е Юйчэнь, борясь с собой, сказал:

— Я обещаю не мешать вам...

— Ладно, ладно, — Великий старейшина, потеряв всякую радость, сказал:

— Не усложняй.

— Я всё равно пойду! — Е Юйчэнь вдруг закричал, слёзы на глазах, и заорал на Великого старейшина:

— Я знаю, что я бесполезен, но я тоже хочу стать сильнее, хочу стать полезным старшим братом! Если я останусь таким бесполезным, то заслуживаю смерти!

Потом он посмотрел на Лу Нинчу и Бай Ниюнь и умоляюще сказал:

— Старшая сестра Бай, младший брат Нинчу, возьмите меня с собой!

Бай Ниюнь тронулась и посмотрела на Лу Нинчу, желая обсудить:

— Младший брат, может, согласимся на просьбу Юйчэня, в конце концов, если оставить его в тылу, это не будет слишком опасно.

Лу Нинчу всё ещё хмурился.

— Младший брат... — Е Юйчэнь снова умоляюще произнёс.

У Е Юйчэня была такая редкая решимость, и если сейчас его отвергнуть, он, возможно, никогда больше не найдёт в себе сил для прогресса.

Лу Нинчу вздохнул в душе и наконец согласился:

— Редкая решимость у старшего брата Юйчэня, мы с сестрой защитим его.

<http://bllate.org/book/15302/1350272>